Еланцева О. П.
Тюмень, Россия
ORCID ID: 0000-0002-5480-6806
E-mail: oelanceva@mail.ru

УДК 821.161.1-94
DOI 10.26170/FK19-03-17
ББК Ш33(2Рос=Рус)52-449
ГСНТИ 17.07.21
Код ВАК 10.01.08

«ОБЫЧНАЯ» ЖИЗНЬ ДЕКАБРИСТОВ В ССЫЛКЕ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОСПОМИНАНИЙ, ЗАПИСОК И ОЧЕРКОВ)

Аннотация. В статье предлагается результат изучения воспоминаний, мемуаров, очерков и записок самих декабристов и тех, кто соприкасался с ними в повседневной жизни, в разные периоды их пребывания в ссылке в городах и поселениях Западной Сибири.

В центре внимания – «обычная» жизнь декабристов и членов их семей в условиях необходимости выстраивания отношений с местными властями, с «чужой» социальной средой. Под термином «обычная» жизнь нами понимаются не только условия повседневной жизни декабристов в ссылке, но более всего их внутреннее восприятие вынужденного инобытия, их созидательное стремление реконструировать в новом для них социуме собственный потерянный мир. Саморефлексия ссыльных реализовывалась в конкретных действиях, направленных на изменение жизни в соответствии с их нравственными идеалами, ценностями и индивидуальными способностями.

В статье различаются понятия «социум» и «социальная среда». Социальная среда – это зона ближайшего действия человека, она включает в себя непосредственное окружение личности, изменяемое действиями и поступками самого человека. Социум, в который попадают декабристы, кардинально отличается от социальной среды и социума, в котором они жили до декабрьского восстания и ссылки. Поэтому мы применяем термины «чужой» социум и «инобытие».

Одно из ключевых понятий в статье – «образ декабриста», вводимый в соответствии с принципами современной имагологии и с опорой на труд Ю. М. Лотмана «Декабрист в повседневной жизни». «Образ» этот, по большей части, собирательный, включает в себя как научные, так и обыденные, как коллективные, так и индивидуальные представления, оценочные суждения о персонифицированных символах, о декабризме как об общественно-политическом и социокультурном феномене. В качестве примера в статье рассматривается образ И. Д. Якушкина, представленный в воспоминаниях о нем.

Ключевые слова: декабристы; сибирская ссылка; воспоминания; мемуары; записки; чужой социум; инобытие.

Elantseva O. P.
Tyumen, Russia

ORDINARY LIFE OF DECEMBRISTS BANISHED TO WESTERN SIBERIA (FOLLOWING RECOLLECTIONS, ESSAYS AND MEMOIRS)

Abstract. The article presents the result of studying the recollections, essays and memoirs of the Decembrists and those who came into contact with them in everyday life, in different periods of their stay in exile in the cities and settlements of Western Siberia.

The focus is on the "ordinary life" of Decembrists and their families in the conditions of the need to build relations with local authorities, with the "alien" social environment. By the term "ordinary life" we mean not only the conditions of everyday life of the Decembrists in exile, but most of all their internal perception of forced otherness, their creative desire to reconstruct their lost world in the new society. Self-reflection of the exiles was realized in certain actions aimed at changing life in accordance with their moral ideals, values and individual abilities.

The article distinguishes the concepts of "society" and "social environment". The social environment is a zone of the nearest action of a person, it includes the immediate environment of the person, changed by the actions and deeds of the person himself. The society in which Decembrists found themselves was radically different from the social environment and society in which they had lived before the December uprising and exile. Therefore, we use the terms "alien" society and "otherness".

One of the key concepts in the article is the "image of the Decembrist", introduced in accordance with the principles of modern imagology and based on the work by Y. M. Lotman "Ordinary life of a Decembrist". This "image", for the most part, is collective, and includes both scientific and ordinary views, collective and individual ideas, evaluative judgments about personified symbols, about Decembrism as a socio-political and socio-cultural phenomenon. As an example, the article considers the image of I. D. Yakushkin presented in his memoirs.

Keywords: Decembrists; Siberian link; memories; memoirs; notes; alien society; otherness.

Для цитирования: Еланцева, О. П. «Обычная» жизнь декабристов в ссылке в Западной Сибири (по материалам воспоминаний, записок и очерков) / О. П. Еланцева // Филологический класс. – 2019. – № 3 (57). – С. 120–126. DOI 10.26170/FK19-03-17.

For citation: Elantseva, O. P. Ordinary Life of Decembrists Banished to Western Siberia (Following Recollections, Essays and Memoirs) / O. P. Elantseva // Philological Class. – 2019. – № 3 (57). – P. 120–126. DOI 10.26170/FK19-03-17.

Современная эпоха открыла новую страницу в исследовании жизни и деятельности декабристов периода ссылки. В научной среде все больше растет интерес к «субъективной реальности» как к результату восприятия современниками событий 14 декабря 1825 г. и его последствий для каждого участника.

Новые идеи и новые методологические подходы существенно откорректировали задачи научных исследований и историографии периода жизни декабристов после вынесения вердикта Верховным уголовным судом в 1826 году. Цитата из Манифеста о приведении в исполнение приговора над государственными преступниками, осужденными Верховным уголовным судом, гласит: «Таким образом, дело, которое Мы всегда считали делом всей России, окончено: преступники восприяли достойную им казнь; отечество очищено от следствий заразы, столько лет среди его таившейся» [Верховный уголовный суд над злоумышленниками,

© О. П. Еланцева, 2019

учрежденный по высочайшему манифесту, 1-го июня 1826 года].

Преступники, вольнодумцы, зараза для России…

А вот что писал один из декабристов о себе и своих соратниках: «Мы были сыны 1812 г. Порывом нашего сердца было жертвовать всем, даже жизнью, во имя любви к отечеству. В наших чувствах не было эгоизма. Призываю в свидетели самого Бога» [Брокгауз и Ефрон 1894].

Так кто же они, участники восстания, какими смыслами и идеалами была наполнена их жизнь в ссылке, как преодолевали они изгнанничество – словом, делом, образом жизни?

Историографическая литература и эго-документы являются основным инструментом в переосмыслении вопросов инобытия ссыльных декабристов, обновлении концептуального видения внутренних изменений смыслов каждого из находившихся в изгнании, актуализации исследовательской проблематики.

Историография декабризма традиционно делится на три больших периода – дооктябрьский, советский и постсоветский. В свое время большой вклад в изучение истории пребывания декабристов в ссылке в Западной Сибири внесли А. И. Дмитриев-Мамонов, Д. И. Завалишин, С. О. Волконский, М. В. Нечкина, П. И. Рощевский, Ю. М. Лотман и его коллеги, В. П. Бойко, С. Ф. Коваль, Г. П. Шатрова и многие другие авторы.

В исторической литературе оценки декабрьского восстания и личности каждого участника бывают часто прямо противоположными. Официальное православно-монархическое представление о декабристах – это смутьяны, сбитые с «пути истинного» пагубным влиянием вольномыслия, которым они заразились в заграничных походах 1812 г., в противовес ему сами участники восстания и им сочувствовавшие (А. И. Герцен, Н. И. Тургенев, И. А. Фонвизин, А. С. Пушкин) создают миф о героях мучениках и о жертвенных женах героев-мучеников.

Советские историки видели в декабристах «первый этап освободительного движения», оценивавшийся безусловно положительно, но с примечанием: «слишком далеки они были от народа» (М. В. Нечкина, Н. М. Дружинин, Н. Я. Эйдельман). Анализ многочисленных публикаций советского периода о декабрьском восстании 1825 г. и о его участниках показывает, что жизнь декабристов была достаточно мифологизирована в этот период, отмечается, что в движении декабристов имели место романтизм и честолюбивые устремления (Е. В. Анисимов, А. Б. Каменский) [Цамутали 2015]. И в этой связи среди вопросов историографического изучения появляется тема исследования повседневной жизни декабристов-ссыльных, о чем свидетельствуют работы Ю. М. Лотмана, В. П. Бойко и др. В статье Ю. М. Лотмана «Декабрист в повседневной жизни» моделируется декабристский тип поведения. Ему, по мнению Ю. М. Лотмана, присущи следующие характеристики: подражание поведенческим стереотипам литературных героев эпохи романтизма, чувство исторической сопричастности, согласование слова и поступка [Лотман 2001].

На современном этапе развития общества, на наш взгляд, все более интересным для исследования сюжетом становится именно «внутренний мир» декабриста-человека, программа социального поведения, которая транслировалась декабристами, определенные семантические культурные смыслы. Изучая эго-документы, мы пришли к заключению, что на современном этапе развития исследований декабристского вопроса назрела необходимость интерпретации человеческих смыслов декабристского поведенческого кода, представленного воспоминаниями, записками, статьями, письмами самих декабристов и их современников.

Отсюда понятна нацеленность многочисленных современных исследований на создание правдоподобного, живого образа декабриста. И нам представляется, что существенным штрихом к этому портрету станет история о повседневности пребывания декабристов в ссылке в Западной Сибири, их образ жизни, общественная и хозяйственная деятельность декабристов-поселенцев. Ссылка в Западную Сибирь – это совершенно новый этап жизни для многих декабристов. Нужно сказать, что Сибирь XIX в. – это совершенно особая территория со своим укладом жизни, нравами и обычаями, жесткими климатическими условиями. Изменения, происходившие в жизни сосланных, были реакцией на социальное окружение и проявление внутренней саморефлексии на изменения личного статуса и часто – линии поведения. При характеристике условий нахождения декабристов и членов их семей в ссылке мы вводим в оборот понятие «обычная» жизнь. Под «обычной» жизнью мы понимаем не только условия повседневной жизни декабристов в ссылке, но более всего – их внутреннее восприятие вынужденного инобытия, их созидательное стремление реконструировать в новом для них социуме (*в ссылке)* тот собственный потерянный мир, в котором они жили, творили, страдали, были счастливы, когда боролись за свои идеалы и ценности.

Мы понимаем непосильность задачи – рассмотреть все моменты вынужденного пребывания в ссылке в Сибири осужденных участников декабрьского восстания, поэтому сконцентрируем внимание лишь на двух аспектах проблемы.

Во-первых, мироощущение декабристов в период ссылки, «внутренний диалог», имплицитно транслируемый участниками восстания через деятельностную обыденность, запечатленную в воспоминаниях и записках.

Во-вторых, «образ» декабристов-ссыльнопоселенцев в «обычной» жизни, сохранившийся в воспоминаниях современников, в эго-документах периода после декабрьского восстания, а также в ракурсе интерпретаций современных историков и публицистов. В нашем исследовании «образ» – это результат биографического подхода.

Отметим, что относительно недавно изучение образов сформировалось в особую область исторической науки и получило название историческая имагология (имиджинология). Историческая имагология изучает проблемы формирования и бытования национальных и инокультурных образов в сознании социальных и этнических общностей, отдельных индивидов и групп [Поршнева 2014].

Под «образом» декабриста мы понимаем совокупность мыслительных конструкций, в которых различ-

ными способами запечатлены актуальные для определенной социальной или политической группы характерные черты участников декабристского движения. Мы рассматриваем образ декабриста как представителя эпохи, живого человека с его «внутренним диалогом», поступками, самоидентичностью, личной историей в повседневной жизни и отношениях с социальной средой, в которую он был помещен во время ссылки. «Образ» этот, по большей части, собирательный, включающий в себя как научные, так и обыденные, как коллективные, так и индивидуальные представления, оценочные суждения о персонифицированных символах, о декабризме как об общественно-политическом и социокультурном феномене.

Мы придерживаемся гипотезы о том, что участники восстания, сосланные в Сибирь, оказавшись в условиях чуждого мира, изолированные насильно от общества себе подобных, утратившие социальные и семейные связи, искали возможность остаться самими собой. В то же время, пытаясь сохранить свою сущность, свои идеалы, ценности и личностные установки, они явно или скрыто изменяли свое социальное окружение, и наоборот, изменяя себя, изменяли, влияли на окружающий социум, а многие изменялись сами, поглощались окружающей социальной средой, не выдержав испытаний. И. Д. Якушкин пишет: «Образ нашего существования очевидно был причиной такой малой смертности между нами. Вообще мы подвергались несравненно менее всем тем случайностям, которым подвергаются люди наших лет, живущие на свободе; а в случае болезни мы тотчас имели все врачебные пособия, и сверх того нас окружало самое внимательное попечение товарищей. Но если образ нашего существования благоприятно действовал на сохранение жизни, то вместе с тем он действовал очень неблагоприятно на сохранение умственных способностей. В Петровском из 50-ти человек двое сошли с ума: Андреевич и Андрей Борисов. Впрочем, и в этом отношении поселение оказалось еще более вредным, чем самое заключение. Из 30-ти человек, бывших на поселении, пятеро сошли с ума: в Енисейске Шаховской и Николай Бобрищев-Пушкин, в Сургуте Фурман и в Ялуторовске Враницкий и Ентальцев. Образ жизни наших дам очень явно отозвался и на них; находясь почти ежедневно в волнении, во время беременности подвергаясь часто неблагоприятным случайностям, многие роды были несчастливы, и из 25-ти родивших в Чите и Петровском было 7 выкидышей; зато из 18-ти живорожденных умерли только четверо, остальные все выросли» [Якушкин 1908].

Эго-документы иллюстрируют сюжеты из «обычной» жизни декабристов, дают дополнительные сведения об отношениях к декабристам в обществе (социуме), причем в разных его слоях, позволяют нам представить с точки зрения феноменологического подхода какими были сами декабристы в отношениях друг с другом в разные этапы своей жизни в ссылке, каким образом своими действиями в «обычной» жизни они влияли на социальную среду, изменяя ее, изменяя судьбы людей, с которыми соприкасались в своей обыденной повседневности.

«Социальная среда» и «социум» – это разные понятия в современной терминологической системе. Социальная среда содержит в себе бесчисленное множество сторон и элементов, которые находятся в жесточайшем противоречии и борьбе друг с другом. Отношение ссыльных декабристов к социальной среде было весьма различно в зависимости от того, какие социальные установки и противодействия им приходилось преодолевать или, наоборот, приспосабливаться к ним. Социальная среда – это зона ближайшего действия человека, она включает непосредственное окружение личности, изменяемое действиями и поступками самого человека.

К социальной среде относится семья и ближайшее окружение. Это микроуровень бытия. Декабристы (многие из них) долгое время были лишены возможности общения с семьей, с близкими и ближайшим окружением. Социум – это общество, оно, как правило, представляется безликой массой и противопоставляется конкретному человеку, индивиду, личности. Отношение социума и личности в разные периоды ссылки декабристов не было простым. Социум, в который попадают декабристы, кардинально отличается от социальной среды и социума, в котором они жили до декабрьского восстания и ссылки. Поэтому мы применяем термины «чужой» социум и «инобытие».

Образ декабристов в социуме – это образ знатных людей, пожертвовавших своим благосостоянием, свободой, жизнью ради блага задавленного нуждой и невежеством народа, – представляет секулярный аналог христианского самопожертвования во искупление грехов всего человечества [Эрлих 2006].

Современники писали о декабристах, сосланных в Сибирь: «…благотворное влияние их на окружающую среду было глубоко, хотя, быть может, и не легко уловимо, потому что достигалось медленно и незаметно, не громкими фразами и не блестящими делами, а разумной… беседой и личным примером…» (Белоголовый), декабристы были «хоть для маленького кружка просветителями и учителями, разумеется, учителями не в школьном смысле» (Першин-Каракасарский); «…и если теперь подлость, низость и взятка болезненно действуют на меня, то этим я обязан людям, о которых всегда говорю с почтением и любовью» (М. Знаменский); «благорасположенное» обращение декабристов к сибирякам «развило в них высокое понимание достоинства человеческой личности» (Францева) и т. п. [Декабристы в Сибири 1975].

Многие декабристы оставили бесценные материалы, повествующие о том, как проходила их повседневная жизнь, с какими тяготами они столкнулись и как каждый на них реагировал, как приходилось выстраивать отношения с властью, с простым народом, как приходилось выживать, работать. Изгнание/ссылка декабристов может быть рассмотрена также в антропологических категориях. Антропология имеет дело с различными традиционными способами социализации: ожиданиями, изменением поведения, конформизмом. Индивид постоянно ищет компромисса с окружающей его социальной средой и социумом. Антропологический подход в центр внимания позволяет поставить саморефлексию человека, проследить развитие его «обычной» жизни в трех «измерениях» (личность, индивидуальность, действие). Будучи иллю-

страцией индивидуального опыта декабристов по выживанию в ино-среде, в целом эго-документы отражают общие особенности манеры поведения, типичные черты характера, личностного склада и поиска «новых смыслов» в «обычной» жизни в рамках компенсаторного замещения утраченного привычного мира.

Если проанализировать поведение декабристов и членов их семей до восстания и после, то можно представить реальное поведение человека декабристского круга в виде некоторого зашифрованного текста, а некий литературный сюжет эго-документов – как код, позволяющий проникнуть в скрытый его смысл. Так, декабрист М. С. Лунин, сопоставляя себя с вельможей Новосильцевым (при известии о смерти последнего), писал: «Какая противоположность в наших судьбах! Для одного – эшафот и история, для другого – председательское кресло в Совете и адрес-календарь» [Лунин 1988]. Все дневники и воспоминания декабристов проникнуты внутренним анализом, размышлениями о том, что «я могу» или что «я должен» сделать сегодня – здесь и сейчас. Достаточно часты размышления декабристов о своем статусе и о своей роли.

Бесспорно, существенную роль и в мировосприятии, и в характере размышлений многих ссыльных декабристов играла семья. Хотя «жена декабриста» представляется нам одним из мифических образов, рожденных социалистической эпохой. Этот образ привычно отождествляется с подвигом, актом протеста и вызовом социуму. Однако, по нашему убеждению, поведение декабристок не было чем-то неслыханным и новым в жизни русской дворянки. Сам факт следования жены за мужем в ссылку или в опасный и тягостный поход был достаточно традиционным для жен дворян военных. Приведем в подтверждение цитату из «Записок» декабриста Н. В. Басаргина: «Помню, что однажды я читал как-то жене моей только что тогда вышедшую поэму Рылеева „Войнаровский“ и при этом невольно задумался о своей будущности.

– О чем ты думаешь? – спросила меня она. – „Может быть, и меня ожидает ссылка“, – сказал я. – Ну, что же, я тоже приеду утешить тебя, разделить твою участь. Ведь это не может разлучить нас, так об чем же думать?» [Басаргин 1917].

Значимой формой рефлексии декабристов над «внешней» социальной средой в ссылке является их убежденность в том, что нужно вести борьбу с первопричиной окружающего зла. М. С. Знаменский в своих воспоминаниях отмечает, что И. Д. Якушкину принадлежат такие слова: «Причина: всеобщее беспросветное невежество и глупость. Вот с ними то и надо вести борьбу… Нужно доказать, что нужно вести борьбу даже и тогда, когда руки у тебя крепко связаны» [Знаменский 1975].

Для Сибири декабристы имели огромное значение. В своей «обычной» жизни декабристы и члены их семей пытались позитивно воздействовать на «чужой» социум, в котором они вынужденно оказались.

По мнению Ю. М. Лотмана, воспоминания, заметки, очерки, написанные современниками о декабристах, их собственные воспоминания и записки, являясь для нас ценными источниками, отражают различные стороны бытового поведения дворянского революционера и позволяют говорить о декабристе не только как о носителе той или иной политической программы, но и как об определенном культурно-историческом и психологическом типе [Лотман 1975].

Поставленные в сложные жизненные условия, находясь в ссылке и на поселении, в массе своей они не растеряли своих идеалов, не пали духом, находили пути обеспечения себя и своей семьи, встраиваясь в повседневность, сближаясь с местным населением. Они открывали школы для детей, занимались вопросами здравоохранения, вели просветительскую работу, брали на воспитание сирот, занимались наукой и изысканиями, проявляли замечательные человеческие качества – личное терпение и самоотверженность, доброту и отзывчивость на чужое несчастье, проявляли заботу и внимание друг о друге и окружающих их людях, вызывая часто в «чужом» социуме «чувство глубокого благоговения».

М. С. Лунин писал: «…последнее желание мое в пустынях сибирских, чтоб мысли мои, по мере истины в них заключающейся, распространялись и развивались в умах соотечественников». Ему же принадлежит известный тезис о важности сибирского периода в жизни декабристов: «Настоящее житейское поприще началось со вступлением нашим в Сибирь, где мы призваны словом и примером служить делу, которому себя посвятили» [Лунин 1988]. Также общеизвестно, что и «во глубине сибирских руд» декабристы не отказались от имени и звания «государственных преступников», гордились ими, вели разностороннюю жизнь и трудились в меру своих духовных и физических сил и возможностей. Трудились, несмотря на специфику условий каторги и ссылки, не были изолированы от общества, событий, происходивших и в России, и в мире.

М. С. Лунин, определяя цель жизни в Сибири, писал от имени всего коллектива друзей и товарищей: «…словом и примером служить делу, которому себя посвятили» [Лунин 1988]. Интересно, что исследованием «обычной» жизни начали заниматься сами участники восстания. Первоначально они в своих воспоминаниях, записках и очерках анализируют причины восстания на Сенатской площади и его поражения. Впоследствии, уже находясь в ссылке, описывают свою жизнь, свои переживания, подробно и детально рассуждают о причинах исторического развития России, о том зле, которое «власть творила народу».

Интересна реконструкция портрета «внутреннего человека» в условиях инобытия, отстаивающего и транслирующего в социуме свои идеалы, а в некоторых случаях – борющегося с внутренними личностными кризисами, противостоящего произволу власти. Обратимся в качестве примера к образу И. Д. Якушкина. В одежде им соблюдалась строгая простота: «он носил неизменного покроя черный казакин зимой, а летом серый из хорошей прочной ткани с ослепительно белым отложным воротничком или пробивающимся кантом из под широкого черного галстука и нарукавниками и часы на черно-муаровой тесемке, дома смотря, по погоде, он надевал куртку или ваточный халат с вышитыми туфлями. Отсутствие неряшества и общая гармония придавали праздничный вид и свежесть квартире, одежде и хозяину или лучше сказать, что его свойства отражались на всем его окружении. Он смеял-

ся над непостоянством и бессмысленностью моды, надеясь, что со временем люди будут одеваться сообразно климату, сложению и образу жизни, имея прежде всего ввиду сохранение здоровья, что не может помешать красоте покроя одежды. Любил красоту во всем» [Декабристы в Сибири 1975]. И. Д. Якушкин был водворен на поселение в Ялуторовск. Здесь на поселении вместе с ним жили Н. В. Басаргин, А. В. Ентальцев, М. И. Муравьев-Апостол, кн. Е. П. Оболенский, И. И. Пущин, В. К. Тизенгаузен, сюда же приехали их жены, в социуме их называли «дамы».

Мы можем констатировать наличие известной картинности или театрализованности бытового поведения декабристов, но очевидна и вера их в значимость (для истории, для потомков) любого поступка и, следовательно, исключительно высокая требовательность к нормам своего бытового поведения. «Весь кружок ялуторовских декабристов, всегда строго следивший за собой, во всем чрезвычайно сдержанный, сплотившись в единодушную семью, разумно гуманную и просвещенную, резко выделялся среди распущенной жизни чиновников, и всем внушал невольное почтение, даже своим недоброжелателям. Поэтому никто не мог помыслить касаться их собственности, тем более народ, составивший о них понятие, как о раскаявшихся и вполне искупивших добродетельною жизнью все свои поступки, за что они и не оставлены царским внимание через высшее начальство и по возвращении на родину будут самыми приближенными людьми к царю» [Созонович 1998]. Отношение к декабристам было более чем уважительное. А. П. Созонович называет выдумкой в своих заметках по поводу статьи К. М. Голодникова «Государственные и политические преступники в Ялуторовске и Кургане» то, что местные жители якобы уничтожили устроенный на высоком столбе во дворе его (Якушкина) квартиры ветромер. Она отмечает, что Иван Дмитриевич в самом деле подозревался в чернокнижии за собрание растений (он составлял гербарий Тобольской губернии), за постоянную письменную работу, за клейку различной величины глобусов из картона, чтение книг, сначала даже и за катание на коньках в отдалении от города. «Так как он позднею порой при лунном свете неожиданно вылетал стрелой из развалин водяной мельницы и исчезал из вида случайных наблюдателей. <…> при его худобе он должен был казаться народу колдуном, стремительно летевшим на пир или совет к нечистой силе. Но вместе с тем перед ним благоговели за чистоту его безупречной жизни и безграничную любовь к ближнему, благодетельно отражавшуюся на всех, кто ни встречался у него на пути» [Созонович 1998].

Поведение декабристов в основах своих оставалось дворянским. Оно включало в себя требование хорошего воспитания. А подлинно хорошее воспитание культурной части русского дворянства означало простоту в обращении и отсутствие чувства социальной неполноценности и ущемленности. Все современники отмечают поразительную легкость, с которой давалось ссыльным декабристам вхождение в народную среду. Эта способность быть без наигранности, органически и естественно «своим» и в светском салоне, и с крестьянами на базаре, и с детьми составляет культурную специфику бытового поведения декабриста, составляющую одно из проявлений русской культуры.

Декабристы в ссылке в своем поведении транслировали социальной среде единство идеалов и их реализации. Прозаическая ответственность перед начальниками заменялась ответственностью перед историей, а страх смерти – демонстрацией чести, свободы духа, культурного «кода».

Многие из декабристов, пребывая в ссылке, внесли определенный вклад в общее дело борьбы за провозглашенные идеалы и ценности – свободы и просвещения масс. Например, И. Д. Якушкин, человек неординарный, умный, образованный, имел твердую, непреклонную волю во всем, что он считал своею обязанностью и что входило в его убеждения. По свидетельствам современников, о себе он никогда не думал, нисколько не заботился ни о своем спокойствии, ни о своем материальном благосостоянии. В последнем отношении он доходил даже до оригинальности. Имея очень ограниченные средства, он тратил последние на помощь ближнему и во все время жительства своего в Сибири не мог завести себе даже шубы [Созонович 1998].

В Ялуторовске, не имея никаких средств, Якушкин решил устроить школу для мальчиков и девиц из бедных семей и одною своею настойчивостью и, можно сказать, сверхъестественными усилиями достиг цели. Правительство строго воспрещало, чтобы кто-нибудь из декабристов имел влияние на воспитание юношества. За этим предписывалось наблюдать местным властям, от которых нельзя было скрывать участие Якушкина в организации школы. Начались доносы, следствия, происки недоброжелателей из местных чиновников, смотревших на декабристов как на «порицателей такого порядка», с которыми были нераздельно соединены их чиновничьи выгоды. Все это надобно было терпеть и кое-как улаживать. К чести высших губернских властей должно сказать, что они в этом случае были на стороне полезного дела и хотя явно не могли защищать того, что касалось ссыльных декабристов, содействовали намерениям Якушкина и одобряли его прекрасную цель. Вскоре сказались благодетельные следствия заведенной им школы. Простой народ с радостью отдавал в них своих детей, которые, кроме навыков рукоделия и первоначального научного образования, получали тут и некоторое нравственное воспитание. «С основанием школ все остальные занятия Ивана Дмитриевича (речь идет о Якушкине) отодвинулись на второй план. <…> Жертвуя не от больших излишков своими деньгами, трудами, здоровьем, Иван Дмитриевич увлекал своим примером не только ялуторовских и тобольских товарищей, но и посторонних. Например, купец И. П. Медведев, имевший близ Ялуторовска в деревне Коптоль, стеклянный завод, сделался самым крупным из жертвователей» [Созонович 1998].

В частных сношениях Якушкин отличался замечательным прямодушием и был доверчив, как ребенок. Будучи весьма часто обманут, он никогда на это не жаловался; горячо вступался за хорошую сторону человеческой природы, не обращал никакого внимания на худую, всегда заступаясь за тех, кто нарушил какой-нибудь нравственный закон, приписывая это не столько испорченности, сколько человеческой слабости.

Одного только не прощал он и в этом отношении был неумолим. Это – лихоимство. Ничто в глазах его не могло извинить взяточника. Конечно, в этом случае, как отмечают в воспоминаниях о нем современники, он иногда противоречил самому себе и своему снисхождению к остальным недостаткам человечества. Но именно это-то и служит доказательством, что суждения его не были плодом необдуманной и принятой без убеждения мысли. К этому надобно присоединить, что он любил горячо спорить и всегда готов был вступиться за того, кто не мог или не умел себя защищать [Созонович 1998; Знаменский 1975].

Были в нем также и недостатки, но они еще более, как отмечают его друзья, а впоследствии и исследователи биографии, выказывали прочие его достоинства. «Скромность следует приписать в Якушкине тому, что он собою никогда не был доволен. Он так высоко ценил духовное начало в человеке, что неумолим был к себе за малейшее отступление от того, что признавал своим долгом, равно и за всякое проявление душевной слабости. Несмотря на то, я редко встречал человека, который бы оказывал ближнему столько терпимости и снисходителен. При таких свойствах ума и сердца он не мог оставаться без влияния на молодых товарищей своих; и точно, он равно сочувствовал и верующим, и неверующим, лишь бы признавал в них искренность и прямодушие, а потому доверившиеся ему прибегали к нему за советом во время скорби и упадка духа, и он умел их утешить и ободрить. От душевного недуга, говорил он, надо лечиться напряжением умственного труда и усердным исполнением нашего долга в отношении к ближнему. Своим же примером подтверждал он действительность врачебного средства, им предлагаемого» [Рабкина 1976].

Пересмотр ряда устоявшихся в отечественной исторической науке выводов относительно жизни декабристов в ссылке, безусловно, оправдан. Междисциплинарный дискурс на тему «Образ декабриста, его „обычная“ жизнь» дает возможность исторической реконструкции повседневной и социокультурной жизни декабристов периода сибирской ссылки, более четкого понимания эволюции их взглядов, «внутреннего диалога» и собственно самой истории их пребывания в Сибири. Применяя различные методы изучения эго-документов, исследователь может получить совершенно различные по глубине и значимости результаты. Если реконструировать «обычную» жизнь декабристов в антропологическом контексте, то становится очевидным, что изгнание для многих стало возможностью проверить свои идеалы на прочность, для кого-то ссылка стала «спасением», для кого-то «гибелью». Мы понимаем, что процессы «внутренней работы» человека – это категории духовного и психологического характера, и оценить, описать их достаточно сложно. Эго-документы позволяют заглянуть во «внутренний мир» декабристов и членов их семей глазами современников и самих декабристов. Нельзя, конечно, отрицать факт субъективности, излишней идеологизированности представления истории пребывания декабристов в ссылке и личной заинтересованности многих авторов эго-документов, мифологизации образа жизни декабристов в ссылке, но анализ доступных нам воспоминаний, мемуаров, записок показал, что декабристы были действительно искренни в своих делах, мыслях и чаяниях. Они своим примером, образом жизни изменяли жизни многих сибиряков, боролись с невежеством, демонстрировали социуму совершенно новый для него стиль жизни – дворянской интеллигенции. В Сибири дворян не было, уклад жизни был достаточно суров, характер сибиряков совершенно не похож на характер жителя центральной России. Сибирь – это «другая» территория во всех смыслах: социальном, культурном, экономическом и даже эмоциональном. Декабрист М. С. Лунин пишет: «Настоящее житейское поприще началось со вступлением нашим в Сибирь, где мы призваны словом и примером служить делу, которому себя посвятили» [Лунин 1988].

Декабристы оставили в Западной Сибири не только добрую память о себе, они способствовали формированию традиций интеллигентности и терпимости. Их благотворное и разностороннее влияние в Сибири не стерло время. В Сибири с любовью сохраняются дома и могилы декабристов, созданы музеи, экспозиции, повествующие об их жизни и деятельности. Сибирский период жизни декабристов имеет большое значение для сибиряков. Образы декабристов в работах исследователей из центральной части страны и из Сибири значительно отличаются друг от друга. Декабристы для Сибири – это по-прежнему образ и идеал просветителя, христианской жертвенности и верности долгу, берущие верх над эгоизмом личного благополучия. Сибирская культурная среда сегодня не только не готова расстаться с декабристами, но более того этот образ является образцом для подражания.

ЛИТЕРАТУРА

Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988.

Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. – Изд. 3-е. – М., 1898.

Бойко В. П. Декабристы в Сибири: предпринимательство, образ жизни, социокультурный облик: монография. – Томск: Изд-во Том. гос. архит-строит. ун-та, 2013.

Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. – СПб., 1894. – Т. XII.

Верховный уголовный суд над злоумышленниками, учрежденный по высочайшему манифесту, 1-го июня 1826 года. – СПб., 1826.

Волконский С. О декабристах: по семейным воспоминаниям. – СПб., 1922.

Декабристы в Сибири: в 3 т. – Иркутск: Восточно-сибирское книжное издательство, 1975.

Декабристы. Биографический справочник / под ред. М. В. Нечкиной. – М., 1988.

Дмитриев-Мамонов А. И. Декабристы в Западной Сибири. Исторический очерк по официальным документам. – СПб., 1905.

Завалишин Д. И. Записки декабриста. – СПб., 1906.

Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. – М., 1951.

Записки И. Д. Якушкина: полное, без выпусков, издание. – М.: Русская жизнь, 1908. – 163 с. – (Библиотека декабристов; вып. 7).

Знаменский М. С. Детство среди декабристов // Дум высокое стремленье: Декабристы в Сибири: сборник / сост., авт. предисл., послесл. и коммент. С. Коваль. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1975.

Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. – М., 1951. – Т. 1–3.

Коваль С. Ф. Об эволюции взглядов декабристов в Сибири (к постановке проблемы) // Сибирь и декабристы. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981. – Вып. 2.

Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. – Л., 1975.

Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX вв.). – СПб., 2001.

Лунин М. С. Письма из Сибири. – М.: Наука, 1988.

Поршнева О. С. Историческая имагология в современной российской историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. XII Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию Заслуженного деятеля науки России, доктора исторических наук, профессора Александра Васильевича Бакунина: материалы. Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г.: в 2-х т. – Екатеринбург: [УрФУ], 2014. – Т. 1. – С. 126–129.

Рабкина Н. Отчизны внемлем призыванье… – Советская Россия, 1976.

Созонович А. П. Заметки по поводу статьи К. М. Голодникова «Государственные и политические преступники в Ялуторовске и Кургане» (в сокращении) // Беспалова Л. Г., Беспалова Ю. М. Тюменский край и писатели XVII–XIX веков. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. – С. 315.

Шатрова Г. П. Декабристы в Сибири. – Томск, 1962.

Цамутали А. Н., Белоусов М. С. 190-летие восстания декабристов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. – 2015. – Вып. 4. – С. 5–19.

Эйдельман Н. Я. Апостол Сергей: Повесть о Сергее Муравьеве-Апостоле. – М., 1975; он же. Обреченный отряд. – М., 1987.

Эрлих С. Е. История мифа («Декабристская легенда» Герцена). – СПб.: Алетейя, 2006. – С. 83–90.

Якушкин И. Д. Наша жизнь в Сибири // И дум высокое стремленье. – М., 1980.

REFERENCES

Basargin, N. V. (1988). *Vospominaniya, rasskazy, stat'i* [Memories, Essays, Articles]. Irkutsk, Vostochno-sibirskoye knizhnoye izdatel'stvo.

Belogolovy, N. A. (1898). *Vospominaniya i drugie stat'i* [Memories and Other Articles]. 3rd edition. Moscow.

Boyko, V. P. (2013). *Dekabristy v Sibiri: predprinimatel'stvo, obraz zhizni, sotsiokul'turnyi oblik* [Decembrists in Siberia: Entrepreneurship, Lifestyle, Sociocultural Image]. Tomsk, Tomskiy gosudarstvenniy arkhitekturno-stroitel'niy universitet.

Brokgauz i Efron. (1894). Entsiklopedicheskii slovar' [Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg. Vol. XII.

Dekabristy v Sibiri v 3 t. [Decembrists in Siberia. 3 Vols.]. (1975). Irkutsk, Vostochno-sibirskoye knizhnoye izdatel'stvo.

Dmitriev-Mamonov, A. I. (1905). *Dekabristy v Zapadnoi Sibiri. Istoricheskii ocherk po ofitsial'nym dokumentam* [Decembrists in Western Siberia. Historical Essay on Official Documents]. St. Petersburg.

Eidel'man, N. Ya. (1987). *Apostol Sergei: Povest' o Sergee Murav'eve-Apostole* [The Apostle Sergei: a Tale of Sergey Muravyov-Apostol]. Moscow.

Erlikh, S. E. (2006). *Istoriya mifa («Dekabristskaya legenda» Gertsena)* [History of Myth ("Decembrist Legend" by Herzen)]. St. Petersburg, Aleteiya, pp. 83–90.

Izbrannye sotsial'no-politicheskie i filosofskie proizvedeniya dekabristov [Selected Socio-Political and Philosophical Works of the Decembrists]. (1951). Moscow. Vols. 1–3.

Koval', S. F. (1981). Ob evolyutsii vzglyadov dekabristov v Sibiri (k postanovke problemy) [On the Evolution of the Views of the Decembrists in Siberia (to the Formulation of the Problem)]. In *Sibir' i dekabristy*. Irkutsk, Vostochno-sibirskoye knizhnoye izdatel'stvo. Issue 2.

Lotman, Yu. M. (1975). Dekabrist v povsednevnoi zhizni (Bytovoe povedenie kak istoriko-psikhologicheskaya kategoriya) [Ordinary life of a Decembrist (Domestic behavior as a historical and psychological category)]. In *Literaturnoe nasledie dekabristov*. Leningrad.

Lotman, Yu. M. (2001). Dekabrist v povsednevnoi zhizni [Ordinary Life of a Decembrist]. In *Besedy o russkoi kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX vv.)*. – St. Petersburg.

Lunin, M. S. (1988). *Pis'ma iz Sibiri* [Letters from Siberia]. Moscow, Nauka.

Nechkina, M. V. (Ed.). (1988). *Dekabristy. Biograficheskii spravochnik* [Decembrists. Biographical directory], Moscow.

Porshneva, O. S. (2014). Istoricheskaya imagologiya v sovremennoi rossiiskoi istoriografii [Historical Imagology in Modern Russian Historiography]. In *Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniya: Industrial'naya modernizatsiya Urala v XVIII–XXI vv. XII Vserossiiskaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 90-letiyu Zasluzhennogo deyatelya nauki Rossii, doktora istoricheskikh nauk, professora Aleksandra Vasil'evicha Bakunina: materialy. Ekaterinburg, 4–5 dekabrya 2014 g.: v 2-kh t.* Ekaterinburg, UrFU. Vol. 1, pp. 126–129.

Rabkina, N. (1976). *Otchizny vnemlem prizyvan'e…* [Thy Motherland thou Call…]. – Sovetskaya Rossiya.

Shatrova, G. P. (1962). *Dekabristy v Sibiri* [The Decembrists in Siberia]. Tomsk.

Sozonovich, A. P. (1998). Zametki po povodu stat'i K.M. Golodnikova «Gosudarstvennye i politicheskie prestupniki v Yalutorovske i Kurgane» (v sokrashchenii) [Notes on the Article by K.M. Golodnikova "State and Political Criminals in Yalutorovsk and Kurgan" (cut)]. In Bespalova L. G., Bespalova Yu. M. *Tyumenskii krai i pisateli XVII-XIX vekov*. Ekaterinburg, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 315.

Tsamutali, A. N., Belousov, M. S. (2015) 190-letie vosstaniya dekabristov [190-anniversary of the Decembrists Uprising]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2.* Issue 4, pp. 5–19.

Verkhovniy ugolovniy sud nad zloumyshlennikami, uchrezhdenniy po vysochayshemu manifestu, 1 iyunya 1926 goda [The Supreme Criminal Court of Intruders, Established by the Highest Manifesto, on June 1, 1826]. (1826). St. Petersburg.

Volkonskii, S. (1922). *O dekabristakh: po semeinym vospominaniyam* [About the Decembrists: Family Recollections]. St. Petersburg.

Yakushkin, I. D. (1980). Nasha zhizn' v Sibiri [Our Life in Siberia]. In *I dum vysokoe stremlen'e*. Moscow.

Zapiski I. D. Yakushkina: polnoe, bez vypuskov, izdanie [Notes by the I. D. Yakushkin. Complete edition]. (1908). Moscow, Russkaya zhizn'. 163 p. (Library of the Decembrists, Issue 7).

Zapiski, stat'i, pis'ma dekabrista I. D. Yakushkina [Notes, Articles, Letters by the Decembrist I. D. Yakushkin]. (1951). Moscow.

Zavalishin, D. I. (1906). *Zapiski dekabrista* [Notes by a Decembrist]. St. Petersburg.

Znamenskii, M. S. (1975). Detstvo sredi dekabristov [Childhood with the Decembrists]. In Koval' S. (Ed.). *Dum vysokoe stremlen'e: Dekabristy v Sibiri: sbornik*. Irkutsk, Vostochno-sibirskoye knizhnoye izdatel'stvo.

Данные об авторе

Еланцева Ольга Павловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры документоведения и документационного обеспечения управления, Тюменский государственный университет (Тюмень).

Адрес: 625022, Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 23.

E-mail: oelanceva@mail.ru.

Author's information

Elantseva Olga Pavlovna – Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Documentation and Document Management, Tyumen State University (Tyumen).